

ОБО ВСЕМЪ.

М. Моск. 27 мая (Наброски.) 1894

Лѣтніе опереточныя театры, куда считается дозволеннымъ не только являться въ обществѣ жены или сестры, но даже брать дѣтей, представляютъ собою достаточно - таки безобразное явленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличаются эти театры отъ пресловутаго „Омона“, за котораго Москвѣ приходится краснѣть? „Омонъ“ приобрьлъ себѣ чрезвычайную и непоколебимо - установившуюся репутацию. Всѣ знаютъ что это клоака, о посѣщеніи которой не принято говорить въ обществѣ. Всѣ знаютъ что туда немислимо явиться ни съ женою, ни съ сестрой, и что вообще ни одна порядочная женщина не переступитъ порога этого „заведенія“.

Лѣтніе театры находятся на особомъ положеніи. Они доступны приличной публикѣ, а иные изъ нихъ, дѣйствующіе въ дачныхъ мѣстностяхъ, только на приличную публику и разчитаны. И вотъ объ одномъ изъ этихъ садовъ московскій корреспондентъ *Новаго Времени* порасказалъ такіа вѣща, которыя, повидимому, можно рассказывать только объ „Омонѣ“.

Что же это значитъ? Очевидно, „омоновское направленіе“ успѣло распространиться чрезвычайно широко и сдѣлалось преобладающимъ въ области столичныхъ общественныхъ „увеселеній“. Удивляться тутъ нечему, если принять во вниманіе, что наши „увеселители“ принадлежатъ, въ массѣ, къ самымъ невѣжественнымъ и низкимъ слоямъ, что ихъ кадры вербуются изъ бывшихъ поваровъ, официантовъ, арендаторовъ театралныхъ вѣшалокъ и т. п. Но неужели ех-поварамъ и ех-официантамъ можетъ быть предоставлена такая неограниченная свобода въ области развращенія публики?

Нельзя сказать чтобы цензура проявляла особенную строгость къ опереточнымъ либретто и тексту шпикетокъ. Тѣмъ не менѣе дѣло здѣсь не въ цензурѣ. Цензура не можетъ предусматривать тѣхъ интонацій го-

лоса, тѣхъ тѣлодвиженій и той мимики, которыя собственно и составляютъ сущность „омоновскаго“ направленія.

Каждый театр „омоновскаго“ пошиба является превосходно - организованнымъ, законченнымъ во всѣхъ подробностяхъ, школой пошлости, разнузданности и прямого разврата. Существованіе въ Москвѣ „Омона“ рѣшительно не вяжется со здравымъ смысломъ. Это отвратительное „заведеніе“ не только само, непосредственно, причиняетъ серьезный вредъ населенію, но еще вредитъ ему и посредствующимъ образомъ, создавая множество подражателей, раскидывающихъ свою паутину все дальше и дальше.

Ссылаться въ данномъ случаѣ на примѣръ западно-европейскихъ городовъ, имѣющихъ у себя „заведенія“ не пристойнаго „омоновскаго“ — совершенная нелѣпость. Если бы подобныя „заведенія“ существовали даже въ некоторыхъ русскихъ городахъ, то и тогда Москвѣ нельзя было бы кивать процвѣтанію въ ея нѣдрахъ „Омона“.

Москва — храмъ Россіи. Въ храмѣ Русскаго государства не должно быть терпимо очень многое изъ того что, съ грѣхомъ пополамъ,

можно терпѣть въ другихъ городахъ, не имѣющихъ подобнаго правительственнаго, историческаго и политическаго значенія. Москву необходимо избавить отъ безобразнаго вертепа, подавшаго сигналъ къ устройству другихъ подобныхъ же вертеповъ и приобрьвшаго, къ ея стыду, чуть не всероссійскую извѣстность!

Что касается лѣтнихъ театровъ, мало уступающихъ зимнему „Омону“, то здѣсь прежде всего приходится обратиться къ благоразумію самой публики. Неужели она не понимаетъ, что это за „учрежденія“? Дѣлать разницу между ними и „Омономъ“ значитъ лицемерить. Правда, тутъ нѣтъ „омоновскаго“ клейма, всѣмъ признаваемого постыднымъ, но зато „омоновское“ направленіе сохранено въ полномъ объемѣ.

И сюда-то идутъ съ женами, родственниками, даже съ дѣтьми! Гдѣ же предѣлы обыкновенской наивности, и почему „увеселенія“ пользуются, въ смыслѣ программы, неограниченною свободой?